

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 94–107, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.94
www.ejournal15.com

UDC 947

Kazakomanstvo. Don Case (the 1860s). Part II

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation
46, Initsiativnaya Street, Taganrog, Rostov Region, 347936
PhD (History)
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

The article analyzes the published debate in “The Don Army Sheets” mainly on topical issues of social, economic and political development of the Don Host in the early 1860s.

Keywords: Don army sheets, printing debate, the Krasnovs, “the Ust-Medveditsky nobleman” (I.S. Ulyanov), “kazakoman”.

Обсуждение и результаты

В самом начале 1863 г. военный министр Д.А. Милютин в конфиденциальном письме сообщил войсковому наказному атаману (далее – в.н.а.) П.Х. Граббе о том, что информация о непростой ситуации на Дону, которая «может иметь... последствия», дошла лично до Александра II. Доложил ее сам министр, основываясь на своей «полной убежденности и уверенности» в существовании на Дону «езде (если не всюду) вредной... интриги», а также на том, что «не найдется ни одного приезжего с Дона, не принадлежащего к известной партии» [1]. Уже через месяц Д.А. Милютин в очередном письме к П.Х. Граббе писал теперь уже об озабоченности императора состоянием дел в местной печати:

«...На Дону издается секретная рукописная газета “Будильник”, которая сначала имела направление сатирическое... а потом стала выражением мнения людей, мечтающих о невозможном восстановлении донской старины, восстающих против всяких, очевидно, клонящихся к народному благу нововведений и развивающих ненависть к правительству и ко всему русскому. Эта же партия людей сделала своим органом и официальную донскую газету, не допускает в печать никакие мнения, не подходящие к образу ее мыслей, едко нападает на все появляющиеся в других периодических изданиях такие же статьи о Донском войске, искажая смысл их самым недобросовестным образом, и вообще стремится к тому, чтобы посредством официальной газеты овладеть общественным мнением на Дону и управлять им по своему произволу и для своих целей» [2].

В этом же письме Милютин потребовал от Граббе немедленного прекращения издания «Будильника» и принятия мер к тому, чтобы «официальная донская газета не была органом какой-либо партии». Нельзя не заметить определенную взаимосвязь между этим посланием и письмом С.С. Робуша к бывшему в.н.а. М.Г. Хомутову. Дело в том, что мнение Робуша с рекомендацией «посоветовать бы кому-нибудь» (см.: [3]) – это не просто мнение лица, как

он сам выразился, «далекого от всех здешних вопросов». В начале 1862 г. Робуш еще числился цензором «Донских войсковых ведомостей»¹ [4], имея среди некоторых представителей новочеркасского общества, по крайней мере А.А. Карасева, репутацию доносчика, к тому же близко вхожего в хомутовское семейство [5]. Таким образом, оценка Робушем состояния донской печати является вполне компетентной и вызывающей доверие у бывшего атамана. М.Г. Хомутов уже в качестве члена Государственного совета, очевидно, мог превратиться в «эксперта» по донским делам, думается, что к его информации и советам должны были прислушиваться или принимать их во внимание не только в Военном министерстве, но и при дворе. В любом случае, даже если наше предположение о взаимосвязи сообщения Робуша и осведомленности Александра II о «вредном» направлении донских газет неверно, из письма военного министра к П.Х. Граббе видно, что после удаления А.М. Дондукова-Корсакова с Дона главные усилия правительства были направлены на купирование проявившегося казацкого недовольства и негативного общественного мнения, ставших заметной проблемой для центральных властей.

Упоминание рукописной газеты «Будильник», пожалуй, самый трудный для объяснения пункт письма. Об этой газете до сих пор известно немного, каких-либо ее остатков, оригиналов или копий мы не обнаружили. Единственным источником, на основе которого можно получить хоть какое-то представление об этом издании, являются воспоминания все того же А.А. Карасева. Он утверждал, что «Будильник» распространялся в Новочеркасске в 1860 г. в количестве 5–6 штук «в виде тетрадок». Газета присылалась по почте «от времени до времени, в продолжение года», «из разных мест», «на имя лиц, отличавшихся особенными способностями в деле распространения всяких новостей, а пикантных наипаче» [6–7]. Неясно, кому принадлежала идея «издания» газеты и кто являлся ее автором (авторами). В начале 1860-х гг. М.Г. Хомутов выдвинул предположение, что в выпуске «Будильника» был задействован А.А. Карасев. Но последний категорически отмел эти подозрения, сделав спустя годы очень туманный намек по этому поводу в сторону А.А. Корсуна, одного из авторов сатирических статей о Хомутове.

А.А. Корсун (Корсунов) в 1840-х гг. занимался переводческой и издательской деятельностью, интересуясь малорусским языком и литературой. После окончания юридического факультета Харьковского университета А.А. Корсун служил на Кавказе чиновником по особым поручениям при дербентском губернаторе, не оставляя литературные увлечения. В 1860 г. он получил отцовское наследство в селе Богдановская-Антиповка (Ростовский-на-Дону уезд) недалеко от Таганрога и прочно «осел» на Дону [8]. Мы уже упоминали со ссылкой на Карасева об «антикоррупционной» направленности статей «Будильника». Также со слов Карасева, рукописные публикации газеты «доводили атаманшу [Е.М. Хомутову. – А.В.] до болезненных припадков, заставлявших ее ложиться в постель. Атаман тоже тревожился...» [9]. С учетом всего вышперечисленного, было бы весьма заманчиво увязать появление «Будильника» с приездом на Дон А.А. Корсуна – юриста и литератора, бывшего «кавказца», проживающего за пределами Земли Войска Донского (далее – ЗВД), но рядом с Новочеркасском, да еще и увидеть в этом «руку» А.М. Дондукова-Корсакова, тоже бывшего «кавказца», которому были выгодны статьи, обличающие «хомутовские» порядки. Однако даже косвенных доказательств этому мы не обнаружили, как собственно не обнаружили и свидетельств издания «Будильника» в 1861–1862 гг., тем более с политическим, «партийным» уклоном.

В таком случае возникает вопрос – почему «Будильник» оказался упомянутым в милютинском письме начала 1863 г.? Объяснений этому факту может быть много, мы же сделаем акцент на специальном, как нам кажется, привлечении Д.А. Милютиним информации о «Будильнике» (вопрос о проверке ее достоверности остается открытым) для того, чтобы создать впечатление о публичной, печатной полемике на Дону не как о случайном явлении, а как о закономерном результате наметившейся тенденции порицания власти и ее действий со стороны определенной части донского общества. Такой акцент в письме призван был убедить П.Х. Граббе отнестись со всей серьезностью к ситуации в донской печати, т.к. ранее по отношению к Дондукову-Корсакову атаман продемонстрировал, с точки зрения военного министра, неоправданную лояльность. Каким

¹ С 1856 г.

образом ответил П.Х. Граббе на письмо Милютина, какова была его аргументация, узнаем чуть позже.

А пока, руководствуясь несложной логикой милютинского послания, согласно которой авторы ведомостей, явно доминирующие на ее страницах, как раз и образуют некую «партию», попытаемся установить тех, кто «мечтал о невозможном восстановлении донской старины», а затем реконструировать их идейные представления. Однако сначала несколько слов уделим непосредственно «Донским войсковым ведомостям» (далее – ДВВ). Газета выходила в Новочеркасске с 1839 г. и являлась типичным местным изданием, аналогичным губернским ведомостям. С 1852 г. к ней добавилась неофициальная часть, с периодичностью издания – 1 раз в неделю. Наблюдение Е.Е. Шуруповой о том, что «на протяжении 40–60-х гг. XIX в. программа губернских ведомостей изменялась, реагируя на характер читательских запросов, направленность интересов самой редакции и кураторов газеты, уровень сформированности круга авторов публикаций», вполне можно распространить и на донские ведомости [10]. Так, в 1850-х гг. в неофициальной части ДВВ основное внимание уделялось местной истории, археологии и этнографии, т.е. темам, специально оговоренным в программе для губернских газет 1845 г. Нам также представляется убедительным мнение Сьюзан Смит-Питер о том, что к середине XIX в. ведомости «превратились в платформу, на которой обсуждались нужды губерний или, по крайней мере, их жизнь», а развитие провинциальных газет «стало определяться не центром, а губерниями» [11]. Такую точку зрения признать верной в отношении к ДВВ позволяет даже самый поверхностный анализ статей донской газеты за 1850–1860-е гг. Круг же потенциальных читателей ДВВ был невелик, на 1862 г. ведомости насчитывали 167 обязательных подписчиков и только 40 частных [12], что также отражает общую тенденцию развития губернских ведомостей [13]. Однако уровень читательской активности на Дону, в том числе количество выписываемых донскими жителями иных периодических изданий, как считает В.Н. Королев, был высок, особенно по сравнению с другими городами и территориями империи [14]. Среди тех, на кого опирался В.Н. Королев в своей оценке, был известный на Дону в середине XIX в. учитель, писатель и журналист А.Г. Филонов, который живописно утверждал в конце 1850-х гг.: «Ежедневные опыты убедят каждого, что любовь к чтению, жажда знания развиты у нас. “Почитаться” кто не хочет? Спросите: кто, имея лишний грош, не выписывает в Новочеркасске газет и журналов? Не недостаток, а излишество в периодической литературе заметите вы. Если бы сделать литературно-полицейский осмотр по Новочеркаску, то можно найти в домах жителей его все русские периодические издания, начиная от “Воскресного чтения” до “Весельчака”... есть дома, где по пяти и более выписывается журналов и газет» [15].

Несмотря на то что по законодательству функции редактора провинциальных ведомостей сводились почти исключительно к административным, тем не менее, благодаря формированию программы неофициальной части и подбору корреспондентов, именно редактор задавал тон газете, определяющий в итоге ее роль в обществе. В июне 1861 г. редактором ДВВ и ее неофициальной части становится И.П. Прянишников. В биографической книге «Донцы XIX века» (1907) ее авторы-составители охарактеризовали И.П. Прянишникову как «честного упряма-казакомана» [16]. Кого сменил Прянишников и, главное, по чьей протекции он получил место редактора – на данный момент выяснить не удалось. Не изобилует подробностями и его биография. Известно, что он родился в 1836 г. в семье простого казака новочеркасской станицы. Учился в местной гимназии, по ее окончании в 1853 г. Иван Павлович подал документы в Харьковский университет на юридический факультет, но поступил не сразу, поэтому примерно полтора года работал учителем истории в Аксайском окружном училище. Получив университетское образование, Прянишников возвращается на Дон. С 1859 г. по 1861 г. он числился младшим учителем русского языка и географии в новочеркасской гимназии, а в 25-летнем возрасте поменял педагогическую деятельность на редакторское поприще, на котором и находился до 1864 г. включительно. Прожил И.П. Прянишников недолго и в январе 1868 г. скоропостижно скончался. В небольшой статье, посвященной И.П. Прянишникову в упомянутой книге «Донцы XIX века», ее авторы (автор?) делают акцент на времени прихода своего героя в ДВВ и на специфических чертах его характера. В их изображении начало 1860-х гг. на Дону представляется периодом, в котором «местное интеллигентное общество» волновалось из-за

планов правительства реформировать казачество, и «не было буквально ни одного образованного человека, который в этих вопросах оставался бы равнодушным зрителем», а «большинство, и притом большое, стояло за сохранение казачьего *status quo* в самых мельчайших подробностях» [17]. Сам же И.П. Прянишников уже в должности редактора «при обсуждении жгучих вопросов, не шел ни на какие компромиссы», особенно выступая «против допущения продажи донских имений иногородним лицам». И хотя новый редактор «не отличался какими-либо особенными талантами», но принадлежал «к ряду людей истинно цельных», «обладая большой силой воли», что, однако, не мешало ему проявлять «излишнюю долю самоуверенности, бестактности, даже нетерпимости» [18].

Эти человеческие качества и/или поддержка со стороны войсковой администрации позволили Прянишникову повысить «показатели» газеты. По сведениям А.К. Ленинова, впрочем требующим проверки, уже через год после прихода нового редактора тираж ДВВ «вырос до 1600 экз. по подписке, не говоря о частной продаже» [19]. Совершенно точно можно утверждать, что с 1860 г. по 1864 г. количество статей, публикуемых в неофициальной части (не считая метеорологических наблюдений), постоянно увеличивалось¹. Это, безусловно, стоит вменить в заслугу Прянишникову, не забывая и о влиянии на динамичное развитие газеты общественно-политического подъема, связанного с отменой крепостного права и деятельностью местного комитета по пересмотру войскового положения.

Условия сотрудничества с ДВВ, вероятно, были такими же простыми, как и в губернских газетах: в подавляющем большинстве случаев гонорар авторам не выплачивался. Библиографические указатели статей, помещенных в неофициальной части ДВВ, дают исчерпывающее представление о корреспондентах газеты [20–21]. Мы проанализировали выходные данные публикаций как дореформенного периода, так и статей, вышедших с 1861 г. по 1864 г., для того чтобы выявить наиболее популярных авторов газеты. С 1852 г. по 1860 г. на страницах ДВВ явно преобладали (по числу статей) А. Филонов – 15, М. Сенюткин – 15, М. Себряков – 12, И. Ульянов – 10, А. Леонов – 9, А. Попов – 5, Г. Левицкий – 4, В. Пудавов – 3, И. Краснов – 2 и пр. В период редакторства Прянишникова с 1861 г. по 1864 г. состав корреспондентов меняется, значительно увеличивается количество авторов, подписывающихся псевдонимами, по-прежнему публикуются А. Леонов – 6, Г. Левицкий – 4, И. Краснов – 2; среди «новых» авторов чаще всего встречаются А. Карасев – 5, Н. Краснов – 5, Х. Попов – 4, «-ов» – 4, А. Поляков – 2 и пр. За каждой упомянутой фамилией скрывается своя история, в той или иной мере уже исследованная, которая дает представление о причинах начала или прекращения сотрудничества с газетой, о тематических предпочтениях местных «журналистов», используемых ими псевдонимах и т.д. К некоторым из них мы присмотримся более внимательно чуть позже. Сейчас же нам важнее количественные показатели, которые противоречат логике милютинского послания, т.к. явного доминирования какого-то круга корреспондентов на страницах ДВВ с 1861 г. по 1864 г. нет.

Таким образом, информацию военного министра, скорее, следует соотнести с жесткой редакторской политикой в этот период, благодаря которой идеи, разделяемые Прянишниковым, вероятно, находили большее отражение в статьях разных авторов, еще и неодинаково концентрированных в тот или иной год (месяцы) выпуска газеты. О такой концентрации как раз и говорится в статье «Письма с Дона», помещенной в 4-м номере «Русского инвалида» за 1863 г. Ее автор – «К.», в котором угадывается И.И. Краснов (о нем подробнее ниже), утверждал, что на Дону некие «партизаны замкнутости» «наводнили местные ведомости статьями, прославляющие старые порядки, и препятствуют помещению в этой же газете статей иного направления». Эти обвинения сравнительно быстро были опровергнуты редакцией донских ведомостей [22]. А тот же И. Краснов еще до опровержения смог опубликовать в № 1 и 4 ДВВ за 1863 г. «Замечания на статью г. “-ова” (о станичном управлении)», с критикой предложений, высказанных «-овым» по поводу разрабатываемого местным комитетом по пересмотру войскового положения проекта

¹ Количество статей по социально-экономическим и общественно-политическим вопросам в ДВВ по годам: 1860 г. – 20; 1861 г. – 27; 1862 г. – 36; 1863 г. – 61; 1864 г. – 132 (подсчет автора).

о станичном управлении. Этой ситуации определенную пикантность придает то обстоятельство, что «-овым» подписывался сам И. Прянишников...

Однако подведем промежуточный итог. Очевидно, что простой «механический», основанный на количественных данных подход, к определению авторов, «мечтающих о невозможном восстановлении донской старины», в нашем случае не работает. Только конкретный анализ идейного содержания статей ДВВ начала 1860-х гг. позволит сгруппировать их авторов по отношению к планируемым или проводимым преобразованиям в казачьих войсках, спорным страницам донской истории и пр. и обнаружить их «партийные» предпочтения. Начать же такой анализ, казалось бы, необходимо с самого Прянишникова. Но «бескомпромиссный» редактор не оставил после себя каких-либо значимых и глубоких статей. Уверенно можно только утверждать, что Прянишников выступал за широкое станичное самоуправление, инициировав обсуждение в ДВВ проекта нового станичного управления, подготовленного комитетом по пересмотру войскового положения, а также неоднократно высказывался против продажи войсковой земли иногородним. И только в некоторых его цитатах особо впечатлительный современный читатель при определенном ракурсе найдет элементы колониального дискурса [23–24].

Также напрашивается разбор статьи, которая стала главным пунктом письма С.С. Робуша к М.Г. Хомутову. Напомним, что именно в этой статье бывший цензор донских ведомостей нашел «оскорбительный» тон в отношении иногородних, а также счел ее выразительным примером «захвата» местной газеты «ничтожной партией Дундукова». Действительно, в 4-м номере ДВВ за 1863 г. содержится статья «По поводу заметки г. Повсеместного», подписанная А. Поляковым декабрем 1862 г., и мы твердо убеждены, что именно ее имел в виду Робуш. Статья Полякова – это критический ответ на публикацию «г. Повсеместного»¹ в «Современной летописи»² [25]. Ничего «оскорбительного» в тексте Полякова мы не заметили. Он всего лишь задается вопросом: действительно ли донские помещики ради корыстных интересов (продажи земли иногородним) готовы поступиться «самобытностью существования войска». Правда, для Полякова это центральный вопрос, т.к., по его мнению, «допущение продажи земли иногородним последовательно и совершенно резонно ведет за собою продажу участков общественного (станичного) надела казаков, что в свою очередь тянет за собою пауперизм». В то же время он не рассматривает «военную службу [казака. – А.В.] как ремесло, да еще исключительное», и высказывает пожелание, «чтобы гражданственность развивалась у нас на существующих началах».

Почему же тогда Робуш выделил именно этого автора? Если идентифицировать «А. Полякова» как Алексея Федоровича Полякова (в начале 1860-х гг. адъютант, а затем чиновник особых поручений при начальнике войскового штаба) [26], в чем мы достаточно уверены, то наша версия пристрастности Робуша будет таковой. Он считал или догадывался, что авторство текста (текстов) Полякова может принадлежать в определенных долях его непосредственному начальнику А.М. Дондукову-Корсакову, который, пользуясь своим должностным положением и продолжая исполнять обязанности начальника штаба вплоть до февраля 1863 г., пытался донести таким образом свое мнение до общественности, разъясняя свою позицию по ключевым вопросам развития ЗВД. Следуя далее за логикой письма Робуша, получается, что большинство размещенного материала в местной газете до опубликования статьи Полякова идейно относится к т.н. «дундуковской партии». Рассмотреть же все статьи по общественным вопросам как до «поляковского» периода, так и после него не представляется возможным в рамках объема данной работы. Поэтому, возвращаясь к анонсированному выше анализу, мы сознательно выбрали только те статьи, риторика которых позволяет, на наш взгляд, распределить их авторов по ценностным предпочтениям. Поводом для публикаций таких статей в большинстве случаев становились те или иные знаковые события внутренней жизни ЗВД (особенно деятельность местного комитета по пересмотру войскового положения), а также критическая реакция на произведения идейных оппонентов как в самих ДВВ, так и в изданиях столичной печати.

¹ Под псевдонимом «г. Повсеместный» скрывался известный журналист П.С. Кораблев [27].

² До 1863 г. еженедельная газета при журнале «Русский вестник», затем стала воскресным прибавлением к знаменитым катковским «Московским ведомостям».

Главными «провоцирующими» статьями, на наш взгляд, являются 2 работы: «Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское», подписанная «Усть-Медведицким дворянином» 26 января 1862 г., но оказавшаяся в донских ведомостях только в конце июля [28] и «О народности в войске Донском» уже упомянутого генерала И.И. Краснова, опубликованная в апрельской книжке (№ 4) «Военного сборника» за 1862 г. Забегая несколько вперед, отметим, что авторы этих текстов продемонстрировали принципиально разное понимание роли иногородних в истории войска Донского и в перспективах развития ЗВД. Если же приглядеться к биографиям «Усть-Медведицкого дворянина» и И.И. Краснова более внимательно, то эта разница окажется в основе непреодолимого идейного противоречия по отношению к планируемым и проводимым правительством преобразованиям в казачьих войсках, которое в итоге разделит этих авторов и их сторонников по т.н. «партиям». По нашей версии, это размежевание станет важным, если не ключевым, фактором, повлиявшим как на последующие события, так и на их оценку современниками. Поэтому коротко пройдемся по значимым вехам из жизни предполагаемых «зачинщиков» печатных сражений.

Генерал-лейтенант Иван Иванович Краснов (1800–1871) – один из самых ярких представителей известного казачьего дворянского рода Красновых Хоперского округа. История этого рода описывается в объемном очерке В.Н. Королева [29]. Нашему герою он посвятил большую часть очерка, немного попав, как кажется, под влияние патетики некрологов «Русского инвалида» и «Военного сборника», т.к. в этих изданиях Краснов неоднократно печатался сам. Оставим без особых подробностей военную сторону биографии Краснова, отметив в ней лишь два важных обстоятельства. По роду службы, в том числе командуя лейб-гвардии Казачьим полком с 1843 по 1848 гг., Краснов неоднократно бывал, а также длительное время проживал в Санкт-Петербурге. Кроме того, он хорошо знал специфику казачьей службы. Краснов не являлся «кабинетным» генералом и принимал участие как в Кавказской войне, так и в Крымской кампании в должности «походного атамана донских казачьих полков». Имея «благородное» по донским меркам происхождение, Краснов получил хорошее образование. Личный дневник и воспоминания генерала свидетельствуют о том, что он владел иностранными языками (французским и немецким), неплохо знал философию и литературу, увлекался поэзией, интересовался искусством, играл на скрипке, флейте и фортепьяно. Как предполагает Королев, Иван Иванович через близкую дружбу с А.П. Чеботаревым (казачьим офицером, влиятельным чиновником Управления иррегулярных войск Военного министерства) познакомился со многими видными деятелями культуры своего времени. Генерал отличался «добродушием» и «щедрой благотворительностью», вокруг него, как правило, группировалась университетская молодежь, а сам он, «искренне преданный просвещению, употреблял все усилия и способы к развитию между казаками образования». Краснов считается одним из основателей донского Статистического комитета, а его историко-краеведческие и публицистические произведения, написанные преимущественно в 1850–1860-х гг., являются «классическими» в казачьей историографии.

Обильно цитируя часть этих работ, но, к сожалению, не подтверждая их сносками, Королев в своем очерке, по сути, транслирует красновский взгляд на донские события начала 1860-х гг. При таком ракурсе получается, что «донской сепаратизм» и намерение казаков устроить управление Доном подобно великому княжеству Финляндскому и царству Польскому «отыскали» в ЗВД «русские патриоты», которые из-за польского восстания 1863 г. стали подозрительно присматриваться к окраинам империи. Источником для подозрений оказались статьи в донских ведомостях, о которых, не конкретизируя, упоминает генерал и которые вызвали недовольство правительства. Королев пишет о том, что Краснов принял активное участие в борьбе двух «партий»: «местных патриотов» и «русофилов», причем на стороне последних. Вступил же он в борьбу своей статьей «О народности в войске Донском». Здесь неясно, выражал ли Королев свою точку зрения или доверился словам генерала. Для нас же это важный и принципиальный вопрос, потому что мы считаем, что Краснов сданной статьей не **вступил** в эту борьбу, а, скорее, **развязал** ее.

Ну и, пожалуй, главное. При характеристике своеобразных «партийных программ» Королев процитировал Краснова, который утверждал, что партия «гражданских» или

«отсталых» состояла из «приверженцев донской народности, донских патриотов или так называемых **казакоманов** [выделено нами. – А.В.]», а противостоящая им партия «военных» или «передовых» формировалась из «поборников сближения с русскими – прогрессистов или, иначе, русофилов» [30]. Данная цитата Королевым не была хронологически атрибутирована, однако это не помешало утвердиться в современной историографии мнению о том, что именно И.И. Краснов первым в литературе использовал слово «казакоман» [31].

Завершая краткий обзор биографии генерала Краснова, который, заметим, был крупным землевладельцем и, в общем-то, небедным человеком, нельзя не упомянуть о двух его сыновьях, причастных к описываемым в нашей статье событиям. Николай Иванович Краснов (1833–1900), не менее известный, чем его отец, донской генерал и писатель, в начале 1860-х гг., будучи штабс-капитаном и членом Императорского Русского географического общества, работал над книгой о ЗВД многотомной серии «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба». Книга была издана в 1863 г. в Санкт-Петербурге (допущена к печати цензором 11 февраля 1863 г.), т.е. весьма вероятно, что написание какой-то ее части происходило одновременно с подготовкой ключевой статьи И.И. Краснова. В книге довольно подробно освещается разразившаяся полемика среди донского дворянства по поводу преодоления или сохранения «замкнутого» состояния Войска Донского. Неизвестно, насколько близкими были отношения между отцом и сыном, особенно в реализации творческих планов. Однако, если учесть факт использования Н.И. Красновым в своей книге (с его же слов) историко-этнографических материалов отца, идейную близость других текстов И.И. и Н.И. Красновых, а также умелое распоряжение последним отцовским архивом, думается, можно уверенно предположить согласованность их взглядов по наиболее важным и дискуссионным вопросам книги. Вот так, например, Н.И. Краснов детализирует позиции спорящих сторон:

«Большая часть помещиков и тех из дворян, которые кончили образование в столицах, считают необходимым прием иногородних, полагая, что эти последние могли бы своими капиталами разработать те дары природы, которые в земле донских казаков столько времени не имеют движения, как от недостатка рук, занятых военной службою, так и от бедности в капиталах по слабому развитию промышленности. Они считают возможным заменить настоящую воинскую повинность казаков другою системою... Другая сторона... с идеею замкнутости, стремится оставить *statu quo*, боясь, что с изменением службы падет и само казачество. Она находит, что прием иногородних будет вреден в том отношении, что они разберут землю по клочкам, а население вследствие этого обеднеет и в донской земле... проявится пролетариат... Вообще эта сторона боится уничтожения поземельных и других прав казаков» [32].

А в этих словах Н.И. Краснова содержится его собственное отношение к дискуссиям и к идеям оппонентов: «Принимая в соображения чувства национальности, любви к родине, которая говорит так сильно в казаках, нельзя, однако ж, не сознаться, что права и привилегии донского населения не приносят общей пользы... В защиту свою эти поклонники [идеи замкнутости. – А.В.] могут выставить только желание всех коммунистов – равномерное распределение угодий между членами известной ассоциации... Полная собственность помещиков на свои земли – необходима и для благосостояния всей донской области... Нужно очистить его [“Тихий Дон”. – А.В.] от тех стеснений, которые, оставшись в силу донских прав и привилегий, уподобляют Донскую область Японии и Китаю» [33].

В 1861–1862 гг. Н.И. Краснов размещал в донских ведомостях некоторые главы своего труда, в основном статистического характера [34–35]. После издания книги он перестал публиковаться на страницах местной печати, в отличие от своего старшего брата Михаила Краснова, который непосредственно ввязался в газетные баталии. М.И. Краснов (1828–1908) имел юридическое образование, окончил Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. Его чиновная карьера развивалась преимущественно в гражданской сфере (дослужился до действительного статского советника). В 1860-х гг. М.И. Краснов входил в состав Войскового по крестьянским делам присутствия. В 80–90-х гг. XIX в. активно участвовал в общественно-политической жизни Дона, с 1890 г. являлся редактором газеты «Таганрогский вестник». М. Краснов был женат на дочери состоятельного донского землевладельца полковника А.К. Мелихова, который первым вступил в газетную полемику

с «Усть-Медведицким дворянином». М. Краснов поддержал своего тестя, опубликовав в донских ведомостях свой ответ на статью «Усть-Медведицкого дворянина», в котором сделал упор на правовых аспектах продажи земли иногородним. Причем в этих действиях М. Краснова В.Н. Королев усмотрел (явно при помощи современников своего героя) имущественный интерес, связанный с перспективами добычи угля в одном из имений его жены [36].

Наконец, уделим внимание тому, кто скрывался под псевдонимом «Усть-Медведицкий дворянин». У нас нет абсолютной уверенности, что человек, о котором пойдет речь ниже, подписывался именно этим псевдонимом. Такое допущение в отношении одного из главных «подозреваемых», конечно, делает менее точным наш исследовательский взгляд на донские события начала 1860-х гг. Тем не менее некоторые косвенные сведения дают веские основания предположить, что «Усть-Медведицким дворянином» являлся известный донской генерал и общественный деятель И.С. Ульянов (1803–1874). Современному историку О.М. Морозовой принадлежит интересный по подбору материала очерк, посвященный И.С. Ульянову [37]. Из него мы можем узнать, что Иван Самойлович был родом из небогатой казачьей дворянской семьи Усть-Медведицкого округа, из среды «казачьего офицерства средних чинов». Образование Ульянова ограничивалось полученным в юности умением «читать и писать», однако это не помешало ему превратиться к середине XIX в. в маститого краеведа и публициста, а также оставить после себя значительное эпистолярное наследие. Военная карьера Ульянова развивалась в основном по штабной линии, в 1830–1831 гг. прерванной пленением восставшими поляками. Военную службу Ульянов оканчивает полковником в должности командира казачьего полка. С 1845 по 1854 гг. по выборам дворянства он занимает различные посты в системе гражданского управления Войска Донского, заслужив «репутацию честного человека». Ульянов был женат на Т.И. Карасевой, происходившей из казачьей мелкопоместной семьи, родным племянником которой являлся неоднократно упомянутый нами А.А. Карасев. Именно он напишет первую биографическую заметку об И.С. Ульянове, охарактеризовав его как «“казакомана” в полном смысле этого слова» [38]. Одним из центральных сюжетов повествования О.М. Морозовой является многолетняя дружба между И.С. Ульяновым и И.И. Красновым, свидетельством которой служит их сохранившаяся личная переписка. Анализ писем генералов позволил О.М. Морозовой сделать выводы о содержании и эволюции их общественно-политических взглядов, имевших «определенное своеобразие в ощущении родины»; выяснить, что дружба, делящаяся с 1830-х гг., все же была «явно конъюнктурным союзом с обеих сторон» и что «полный разрыв отношений произошел в 1859 г. по вопросу о праве на недвижимость на войсковых землях». По мнению О.М. Морозовой, Ульянову «не нравилось, что в позиции Краснова было слишком много личного финансового интереса» [39]. Также она утверждает, что богатые донские помещики уличили Ульянова в казачьем сепаратизме, соглашаясь с этим обвинением, но с некоторой оговоркой.

Однако вернемся к анализу упомянутых выше статей. Начнем со статьи «Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское». Этой работе принадлежит первенство в озвучивании земельного вопроса в печатной форме с публичным изобличением корыстных интересов части донских помещиков. Как признается «Усть-Медведицкий дворянин» (Ульянов), взявшись за написание статьи его заставил земельный вопрос в ЗВД, актуализированный адресами донского дворянства. Весной 1861 г. в ходе выборов на должности в органы войскового и сословного управления часть дворян Хоперского округа (в их числе, надо полагать, находился и И.И. Краснов) подписала «акт... ходатайствующий о разрешении иногородним иметь в пределах войска вечную недвижимую собственность», тем самым выразив несогласие с ранее принятым адресом дворян Усть-Медведицкого округа, отказавшим иногородним в подобном праве.

Основное содержание статьи раскрывается через ответы на вопросы, предварительно сформулированные автором. На первый вопрос – «приносит ли государству войско Донское существенную пользу... или казаки анахронизм» – «Усть-Медведицкий дворянин» категорично утверждает: «приносит», отмечая, что взамен Войско Донское «ничего не требует от казны». Однако это обстоятельство, по его мнению, «не только не оценено, но и не понято». Более того, «на казаках, к сожалению, тяготеет мнение [так в тексте. – А.В.]

неблагоприятное... распространенное вследствие искажения исторических событий, непонимания свойства казаков, а подчас и недоброжелательства». На второй и третий вопросы – «не вредит ли полезности Войска удаление от него внешней границы России» и «есть ли в России войска, народы, племена, которые могут... заменить донское казачество», – «Усть-Медведицкий дворянин» дает почти лаконичный отрицательный ответ. По четвертому вопросу – «имели ли влияние на годность к военной службе и на гражданский быт казаков их права и особенные учреждения, а также есть ли какой смысл в сохранении этих прав и учреждений в настоящее время» – автор, напротив, высказывает положительный ответ, но, обосновывая его, пускается в более пространные рассуждения. Так, например, он говорит о «русском, даже преимущественно великорусском происхождении донских казаков», что «отчасти» доказывается их «верностью своей метрополии в лице ее самодержцев». Наконец, пятый вопрос – «есть ли общественная необходимость допускать в Войско иногородних и в какой мере полезна или вредна эта мера» – удостоивается самых объемных авторских разъяснений. «Усть-Медведицкий дворянин» последовательно подвергает жесткой критике основные положения адреса хоперского дворянства. Он категорически выражает свое несогласие суверенностью хоперских дворян в том, что после расширения прав иногородних, в том числе распространяющихся и на покупку войсковой земли, «благосостояние края не только не уменьшится, но станет быстро возрастать». Автор статьи предпочитает видеть в «действиях сочинителей акта одни мелкие расчеты из-за частных выгод, в жертву которых приносятся древние права народа». Такое почти обвинение «Усть-Медведицкий дворянин» основывает на заключительных словах хоперского адреса, в которых требование о предоставлении помещикам полного права собственности на имения прямо увязывается с их «не принуждением продавать свои земли только одним туземцам».

Нетрудно увидеть идейную близость текста «Усть-Медведицкого дворянина», записки Дондукова-Корсакова, особенно в части, посвященной земельным отношениям и иногородним, а также статьи А. Полякова. О существовании какой-либо другой взаимосвязи между авторами (близкое знакомство или дружеские отношения) можно лишь строить предположения. Так же, как и отнести в область догадок причины желания И.С. Ульянова скрыться под псевдонимом «Усть-Медведицкий дворянин».

Перед тем как перейти к обзору публикации первого оппонента «Усть-Медведицкого дворянина», а именно к статье А. Мелихова «О продаже земли иногородним» [40], напомним, на фоне каких событий появились данные работы. Летом 1862 г. в.н.а. М.Г. Хомутов оставляет ЗВД, управление краем временно переходит к А.М. Дондукову-Корсакову. Войсковая администрация получает от Военного министерства на рассмотрение план радикальных реформ среди казачества, информация о нем просачивается в станицы, казачье недовольство переходит в публичную сферу. И только с назначением в.н.а. П.Х. Граббе и отставкой А.М. Дондукова-Корсакова осенью 1862 г. общественно-политическая ситуация на Дону стабилизируется.

Итак, статья Мелихова не содержит прямой критики идей «Усть-Медведицкого дворянина». Только внимательный читатель, знакомый с контекстом развития земельного вопроса на Дону, может заметить в ней присутствие «духа противостояния». Значительная часть статьи – это краткий пересказ Мелиховым своей же записки, которую он составил 6 февраля 1862 г. и «без подписи» передал на рассмотрение в.н.а. М.Г. Хомутова. В записке Мелихов предлагает предоставить донским землевладельцам право полного распоряжения землею, в том числе продажи ее иногородним. Свою инициативу автор обосновывает следующими выразительными словами:

«Нынешнее состояние хозяйств на Дону неудовлетворительно... Устранить же это затруднение в настоящее время ничем иным нельзя, как устройством хозяйства на вольнонаемном труде, но для этого прежде всего нужны деньги, и, чтобы иметь их, необходимо или заложить имение, или часть его продать (многие имения уже заложены), а покупателями выступают только донские чиновники, которые, не имея капиталов, все более или менее владеют землею и покупать ее им нет особенной надобности, то при отсутствии конкуренции иногородних покупателей и при монополии донских... имения уйдут за бесценок и помещики останутся “без всяких средств к жизни”».

Предложения Мелихова не были поддержаны его коллегами в Войсковом по крестьянским делам присутствии, а также в.н.а. Хомутовым, который, узнав о таком отрицательном заключении, не передал записку в Военное министерство на дальнейшее рассмотрение. Мелихов не упоминает о степени известности своей записки за стенами войсковой администрации, но пишет о появлении в июле 1862 г. «ответной записки без подписи, ходившей по рукам». Эта записка была направлена против иногородних в ЗВД и в ней проводилась мысль о том, что «земля на Дону принадлежит казакам всех званий без различий; она куплена ценою крови предков их и укреплена царскими грамотами в вечную собственность казаков». Далее в статье Мелихов оправдывает свою позицию, попутно упрекая «мелкопоместных и беспоместных служащих в Черкасске» в том, что они при существующем порядке «могут купить [земли. – А.В.] за бесценок». Он утверждает, что если бы вопрос об иногородних был поднят на общем дворянском собрании, «то можно было бы не сомневаться, на какой стороне будет большинство». Наконец, по мнению Мелихова, автор записки просто «завидует» богатым помещикам и хочет их «разорения».

Более объемное обоснование прав донских землевладельцев с одновременной критикой идеи «Усть-Медведицкого дворянина» было предпринято зятем Мелихова М. Красновым в статье с характерным названием «О поземельной замкнутости на Дону (ответ Усть-Медведицкому дворянину)». Эта работа была опубликована в ДВВ в марте–апреле 1863 г. [41], т.е. уже после получения в.н.а. П.Х. Граббе от Д.А. Милютина упомянутого ранее письма, предупреждающего о захвате местной газеты «людьми, развивающими ненависть к правительству и ко всему русскому». М. Краснов главный упор делает на разъяснении неприкосновенности права частной собственности и незыблемости «законов политической экономии». Он глубоко убежден, что «право собственности, обеспеченное и свободное от всяких стеснений, само в состоянии исправить, а у нас отвратить те бедствия, против которых бессильны все попытки коммунизма». Краснов рисует такую захватывающую дух картину реализации на Дону классических принципов экономического либерализма с монетаристским привкусом и популистскими красками, что она достойна обильного цитирования:

«По вопросу, какого рода благосостояние разовьется на Дону... с иногородними, ответим: всякого рода, какое согласно с условиями свободного развития края. В каждой местности процветут те именно промыслы, какие ей свойственны... У нас мало денег и рук, чтобы разработать свои богатства. С допущением иногородних с их деньгами этот порядок изменится. Деньги и труд оплодотворят самые бесплодные земли. На Дону явятся свои машины и фабрики. Казаки купят дешево, что им нужно, и с выгодами станут торговать такими произведениями своей земли, которые теперь не имеют сбыта. Зарабатывая много, казак будет лучше снаряжен на службу. Будет ему, из каких источников воспитать детей своих. Пример оборотливых капиталистов не останется без влияния, и из донских жителей хорошие хозяева, променявши часть своей земли на деньги, на остальной улучшат свое хозяйство; другие же, к сельским трудам неспособные, разделившись выгодно со своей землей, найдут лучшее поприще по своим способностям... Да и жители других губерний, не отталкиваемые больше Китайской стеной, лучше на нас будут смотреть – уже не как на касту униженную, которая кичится лишь своим отчуждением; самое же звание казака будет по заслугам более уважено».

При всем доминировании в статье правовых и экономических дефиниций М. Краснов как бы вскользь дает и политическую оценку идеям своего оппонента: «Замкнутость... – это стеснение, нам навязанное прежними политиками, чтобы держать Донцов в черном теле»; «Заботясь о чистокровности “казачьей расы”, наш противник забывает...»; «Противник наш вооружается на нас за то одно, что мы считаем всех Русских соотечественниками». Таким образом, потенциальный читатель статьи М. Краснова вполне мог бы сделать следующий вывод об «Усть-Медведицком дворянине». Он не идет в ногу со временем, неграмотен в правовом плане, не разбирается в действии экономических законов, но разделяет принципы «коммунизма», ставит себя выше русских и тем более иногородних, относя происхождение казаков к отдельной «расе». Досталось «Усть-Медведицкому дворянину» и от столичной прессы. Упомянутый нами журналист «Современной летописи» «г. Повсеместный» в специальном разделе газеты «Что делается в губерниях» [42]

критически отозвался на статью об иногородних, доказывая, что «едва ли благоразумно строить теперь вокруг себя Китайскую стену».

«Усть-Медведицкий дворянин» предпочел не заметить эту критику, за него в дискуссию с «г. Повсеместным» из-за его публикаций на донскую тематику вступились сам И. Прянишников и А. Поляков [43–45]. Он же сконцентрировался на ответах своим местным оппонентам, но успел разместить только одну статью «О продаже земли иногородним А. Мелихова» [46], вторая – против М. Краснова, так и осталась в незаконченном черновом виде [47]. Предпринятый «Усть-Медведицким дворянином» разбор идей А. Мелихова впечатляет своим сарказмом, эмоциональностью и в то же время изобилует примерами из истории земельного вопроса на Дону, ссылками на конкретные юридические нормы, закрепленные в «Положении о войске Донском» 1835 г. и в имперском законодательстве, регулирующие земельные отношения в ЗВД. В статье он называет противоположенную сторону «прогрессистами», сатирически обыгрывает ставшее популярным применительно к донскому краю выражение «Китайская стена» и как бы вскользь пишет о том, что «общественное мнение о казаках должно утвердиться на более сознательных основаниях». «Усть-Медведицкий дворянин» проливает свет на события, произошедшие несколькими месяцами ранее, а именно на факт распространения среди миусских помещиков окружным предводителем дворянства «послания близкого родственника г. Мелихова». В этом письме, как утверждает «Усть-Медведицкий дворянин», преподносилась «благоговейная уверенность в готовности [иногородних. – А.В.] раздавать деньги, кому сколько надо, и на уплату помещичьих долгов, и на заведение в расстроенных поместьях разных хозяйственных машин и улучшенных земледельческих орудий». Более того, он убежден, что «современность печатания статьи г. Мелихова и развозка послания его родственника [скорее всего, это М. Краснов. – А.В.] показывают их общую связь и артельную работу». И все же главными пунктами статьи «Усть-Медведицкого дворянина» являются доказательства того, что требование предоставить донским землевладельцам право продажи земли иногородним противоречит действующему законодательству, а сам Мелихов, еще будучи членом Комитета по улучшению быта крепостных крестьян (1858–1861), вышел за пределы компетенции комитета и не был никем уполномочен поднимать вопрос о правах иногородних в ЗВД. Это обстоятельство дало повод «Усть-Медведицкому дворянину» еще раз заявить, что в данном случае «дело идет о частных выгодах на счет общего добра». Вследствие чего он немалое количество гневных и обличительных слов обращает в сторону крупных донских землевладельцев. Вот их некоторые образчики:

«Что дано вам ни за что несколько тысяч десятин земли, да впридачу потомственно – и это еще мало?»; «Вам, большим панам-помещикам, весело там по гвардиям и столицам время проводить...»; «Что же мы будем платить вам мозолями, что ли, которые не сходят с наших рук? Да вы, г. М. и большая часть вздыхающих вместе с вами, иногда в 1 месяц, в 1 неделю, в 1 вечер потратите... денег для своего развлечения столько, сколько нашему брату в 10 лет не заработать кровавым потом»; «Когда в вашем распоряжении были и безграничные... земли, и даровой труд крестьян, вы не умели сводить концы с концами, а когда закончилось и то, и другое, вы, запасшиися на будущее время одною опытностью жить не по средствам, начинаете толковать об улучшениях»; «На землю помещики наши не приобрели никакого личного права, она дана им только по случаю обладания крестьянами».

«Усть-Медведицкому дворянину» помимо двух уже разобранных статей принадлежит еще одна работа, с критикой проекта о станичном управлении местного комитета по пересмотру войскового положения [48]. Мы не будем углубляться в ее содержание, но даже поверхностное ознакомление с ней позволяет сделать очевидный вывод о том, что И.С. Ульянова, скрывающегося под псевдонимом «Усть-Медведицкий дворянин», по крайней мере в печатном виде, волновали в основном хозяйственно-экономические вопросы, максимум же его «политических» притязаний ограничился отстаиванием принципа «сохранения прежних прав и учреждений казачества». Тем самым он разительно отличался от И.И. Краснова, который, как увидим далее в заключительной, третьей части нашей статьи, более активно апеллировал к истории, уделяя большее внимание общественно-политической тематике.

Примечания:

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 52. Ед. хр. 1. Л. 11. Пропуски слов в данной цитате вынужденные, из-за неразборчивости почерка.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 7. Д. 109. Л. 1–10б.
3. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part I // Русская старина. 2015. № 1. С. 30.
4. Очерк истории новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. С. 174.
5. Донские картинки № 4. Из памятной книжки А.А. Карасева. Новочеркасск, 1908. С. 7.
6. А.К. Фельетон. Михаил Григорьевич Хомутов (воспоминания) // Приазовский край. 1893. № 300.
7. Карасев А.А. Атаманская чета (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1901. Т. 83. С. 599.
8. Волвенко А.А. Украинский «след» в донском казакманстве 1860-х гг. // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов н/Д, 2013. С. 16–17.
9. Карасев А.А. Атаманская чета... С. 597.
10. Шурупова Е.Е. Губернские ведомости во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах Архангельской губернии) // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в.: сборник научных статей. Петрозаводск, 2008. С. 53.
11. Смит-Питер С. Истоки губернских ведомостей: 1831 — начало 1850-х гг. // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в... С. 51.
12. РГВИА. Ф. 330. Оп. 6. Д. 148. Л. 20б., 93.
13. Шурупова Е.Е. Губернские ведомости во второй половине XIX — начале XX в... С. 59.
14. Королев В.Н. Библиотеки и чтение на Дону до 1861 г. // Донской временник. 2003. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/1/art.aspx?art_id=280 (дата обращения: 23.06.2015).
15. Филонов А. Очерки Дона. СПб., 1859. С. 63–64.
16. Донцы XIX века. Ростов н/Д, 2003. С. 420.
17. Донцы XIX века... С. 420.
18. Донцы XIX века... С. 419, 421
19. Ленивов А.К. Галерея казачьих писателей. Ч. 2. Нью-Йорк, 1970. С. 186.
20. Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей, с 1852 по 1876 год / сост. И.И. Струков. [Б.м.], 1876.
21. Штавдакер Л.А. Указатель статей неофициальной части «Донских войсковых ведомостей» за 1853, 1855 и 1863 годы. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=1151 (дата обращения: 23.06.2015).
22. От редакции // ДВВ. 1863. № 13.
23. -овъ. О станичном управлении // ДВВ. 1862. № 9.
24. -овъ. О станичном управлении: ответ г. Краснову // Донские войсковые ведомости. 1863. № 7.
25. Г. Повсеместный. Что делается в губерниях // Современная летопись. 1862. № 41.
26. Донцы XIX века... С. 386–387.
27. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2. С. 367.
28. Усть-Медведицкий дворянин. Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское // ДВВ. 1862. № 30, 31, 32.
29. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках. Ростов н/Д, 1991. С. 190–255.
30. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках... С. 229.
31. Казачий Петербург. URL: <http://spbkazak.narod.ru/42.html> (дата обращения: 23.06.2015).
32. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. С. 231.
33. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России... С. 232, 439–440.
34. Краснов Н.И. Очерки из статистики войска Донского о климате и географическом положении Донской области // ДВВ. 1861. № 25–31.
35. Краснов Н.И. Исследование о каменноугольных породах на Дону (геолого-геогностический очерк земли войска Донского // ДВВ. 1862. № 6.
36. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках... С. 250.
37. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2011. С. 4–65.
38. Донцы XIX века... С. 481.
39. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... С. 21.
40. Мелихов А. О продаже земли иногородним // ДВВ. 1862. № 44, 45.

41. Краснов М. О поземельной замкнутости на Дону (ответ Усть-Медведицкому дворянину) // ДВВ. 1863. № 12, 13, 14.
42. Г. Повсеместный. Что делается в губерниях // Современная летопись. 1862. № 42.
43. Поляков А. О преобразованиях на Дону по поводу статьи «Голос с Дона», помещенной в №28 «Современной летописи» // ДВВ. 1862. № 35, 36.
44. Поляков А. По поводу заметки г. Повсеместного // ДВВ. 1863. №4.
45. -овъ. По поводу заметки г. Повсеместного (Современная летопись, 1862. №41) // ДВВ. 1863. №3.
46. Усть-Меведицкий дворянин. О продаже земли иногородним А. Мелихова (Дон. ведомости. 1862 г. номера 40 и 45) // ДВВ. 1863. № 15. 16 апреля; № 17. 30 апреля.
47. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках... С. 250.
48. Усть-Медведицкий дворянин. О проекте станичного управления // ДВВ. 1863. № 1, 2.

References:

1. Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (dalee – OR RGB). F. 169. Kart. 52. Ed. khr. 1. L. 11. Propuski slov v dannoy tsitate vyzhdennye, iz-za nerazborchivosti pocherka.
2. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (dalee – RGVIA). F. 330. Op. 7. D. 109. L. 1–1ob.
3. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Donskoy sluchay (the 1860-e gg.). Part 1 // Russkaya starina. 2015. № 1. S. 30.
4. Ocherk istorii novochoerkasskoy voyskovoy gimnazii. Novochoerkassk, 1907. S. 174.
5. Donskie kartinki № 4. Iz pamyatnoy knizhki A.A. Karaseva. Novochoerkassk, 1908. S. 7.
6. A.K. Felyeton. Mikhail Grigor'evich Khomutov (vospominaniya) // Priazovskiy kray. 1893. № 300.
7. Karasev A.A. Atamanskaya cheta (Iz vospominaniy) // Istoricheskiy vestnik. 1901. T. 83. S. 599.
8. Volvenko A.A. Ukrainskiy "sled" v donscom kazakomanstve 1860-kh gg. // Ukrainsky yuga Rossii: problemy istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Rostov n/D, 2013. S. 16–17.
9. Karasev A.A. Atamanskaya cheta... S. 597.
10. Shurupova E.E. Gubernskie vedomosti vo vtoroy polovine 19 — nachale 20 v. (na materialakh Arkhangel'skoy gubernii) // Provintsial'naya zhurnalistika i zhizn' Rossiyskoy imperii v 19 — nachale 20 v.: sbornik nauchnykh statey. Petrozavodsk, 2008. S. 53.
11. Smit-Piter S. Istoki gubernskikh vedomostey: 1831 — nachalo 1850-kh gg. // Provintsial'naya zhurnalistika i zhizn' Rossiyskoy imperii v 19 — nachale 20 v... S. 51.
12. RGVIA. F. 330. Op. 6. D. 148. L. 2ob., 93.
13. Shurupova E.E. Gubernskie vedomosti vo vtoroy polovine 19 — nachale 20 v... S. 59.
14. Korolev V.N. Biblioteki i chtenie na Donu do 1861 g. // Donskoy vremennik. 2003. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/1/art.aspx?art_id=280 (data obrascheniya: 23.06.2015).
15. Filonov A. Ocherki Dona. SPb., 1859. S. 63–64.
16. Dontsy 19 veka. Rostov n/D, 2003. S. 420.
17. Dontsy 19 veka... S. 420.
18. Dontsy 19 veka... S. 419, 421.
19. Lenivov A.K. Galereya kazachikh pisateley. Ch. 2. Nyu-York, 1970. S. 186.
20. Alfavitnyy ukazatel' statey, pomeschennykh v neofitsial'noy chasti Donskikh oblastnykh vedomostey, s 1852 po 1876 god / sost. I.I. Strukov. [B.m.], 1876.
21. Shtavdaker L.A. Ukazatel' statey neofitsial'noy chasti "Donskikh voyskovykh vedomostey" za 1853, 1855 i 1863 gody. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=1151 (data obrascheniya: 23.06.2015).
22. Ot redaktsii // DVV. 1863. № 13.
23. -ov. O stanichnom upravlenii // DVV. 1862. № 9.
24. -ov. O stanichnom upravlenii: otvet g. Krasnovu // DVV. 1863. № 7.
25. G. Povsemestnyy. Chto delaetsya v guberniyakh // Sovremennaya letopis'. 1862. № 41.
26. Dontsy 19 veka... S. 386–387.
27. Masanov I.F. Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley. M., 1957. T. 2. S. 367.
28. Ust'-Medveditskiy dvoryanin. Rassmotrenie voprosa o dopushchenii inogorodnikov v voysko Donskoe // DVV. 1862. № 30, 31, 32.
29. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh. Rostov n/D, 1991. S. 190–255.
30. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh... S. 229.
31. Kazachiy Peterburg. URL: <http://spbkazak.narod.ru/42.html> (data obrascheniya: 23.06.2015).
32. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo Shtaba. Zemlya voyska Donskogo. SPb., 1863. S. 231.
33. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii... S. 232, 439–440.

34. Krasnov N.I. Oчерки iz statistiki voyska Donskogo o klimате i geograficheskom poloзhenii Donskoy oblasti // DVV. 1861. № 25–31.
35. Krasnov N.I. Issledovanie o kamennougol'nykh porodakh na Donu (geologo-geognosticheskiy oчерk zemli voyska Donskogo // DVV. 1862. № 6.
36. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh... S. 250.
37. Morozova O.M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' oчерkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta. Rostov n/D, 2011. S. 4–65.
38. Dontsy 19 veka... S. 481.
39. Morozova O.M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... S. 21.
40. Melikhov A. O prodazhe zemli inogorodnim // DVV. 1862. № 44, 45.
41. Krasnov M. O pozemel'noy zamknutosti na Donu (otvet Ust'-Medveditskomu dvoryaninu) // DVV. 1863. № 12, 13, 14.
42. G. Povsemestnyy. Chto delaetsya v guberniyakh // Sovremennaya letopis'. 1862. № 42.
43. Polyakov A. O preobrazovaniyakh na Donu po povodu stat'i "Golos s Dona", pomeschennoy v №28 "Sovremennoy letopisi" // DVV. 1862. № 35, 36.
44. Polyakov A. Po povodu zametki g. Povsemestnogo // DVV. 1863. №4.
45. -ov. Po povodu zametki g. Povsemestnogo (Sovremennaya letopis', 1862. №41) // DVV. 1863. №3.
46. Ust'-Medveditskiy dvoryanin. O prodazhe zemli inogorodnim A. Melikhova (Don. vedomosti. 1862 g. nomera 40 i 45) // DVV. 1863. № 15. 16 aprelya; № 17. 30 aprelya.
47. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh... S. 250.
48. Ust'-Medveditskiy dvoryanin. O proekte stanichnogo upravleniya // DVV. 1863. № 1, 2.

УДК 947

Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.). Часть II

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация
347936, Ростовская область, Таганрог, ул. Инициативная, 46
Кандидат исторических наук
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются печатные дебаты, развернувшиеся преимущественно в «Донских войсковых ведомостях», по актуальным вопросам социально-экономического и обществено-политического развития Войска Донского в начале 1860-х гг.

Ключевые слова: «Донские войсковые ведомости», печатные дебаты, Красновы, «Усть-Медведицкий дворянин» (И.С. Ульянов), «казакоманы».